

**ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТЫ МАЛАЗИЙСКИХ КИТАЙЦЕВ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ**

В жизни современной Малайзии китайская диаспора играет далеко не последнюю роль. Феноменально успешная экономическая деятельность отдельных членов диаспоры не может не обращать на себя внимание. В условиях лимитирующих политическую активность, хуацяо, все же, косвенным образом влияют на политику, в значительной мере определяя политико-экономическое лицо Малазийского государства.

Но какова жизнь китайской диаспоры изнутри, в чем состоит ее духовное ядро? И почему, существуя довольно продолжительное время в замкнутой среде, диаспора не изжила себя, а напротив, сформировала прочный культурный анклав?

Основные философские составляющие, характеризующие китайскую культуру, в синологии выделяют как программа «пестования жизни» (*ян шэн*) и «срединного пути» (*чжун юн*). Их совместное действие, определяющее модель социального поведения китайцев, принято обозначать как доминанту «этического рационализма».

Базовые принципы этой негласной культурной программы были озвучены Конфуцием, развиты его последователями и усвоены в китайской среде настолько прочно, что остаются неизменными и по сей день.

Безусловно, устойчивость китайской картины мира зиждется на глубоком философском фундаменте. В истории китайской культуры было немало философов, сформулировавших базовые философско-теоретические понятия, глубоко проникнувшие в жизнь китайского общества. Однако задача данной статьи несколько иная: обратить внимание читателя на формы мистической реальности, оказывающие наиболее заметное влияние на умы и жизнь членов китайской диаспоры в Малайзии, независимо от уровня их доходов, места жительства, уровня образования. И нет ничего удивительного в том, что такие формы мировоззрения, имеют весьма выраженный акцент на магических культах, чего не происходит в континентальной китайской культуре.

Интересно еще и другое, многочисленные культы, связанные в основном с практическим даосизмом, составляют особую этнокультурную специфику китайской диаспоры, не только в Малайзии, но и в Юго-восточной Азии. Однако в Малайзии стоит присмотреться к ним чуть внимательнее, в силу того колоссального влияния, которое некоторые члены китайской диаспоры имеют в Малайском обществе. Ведь многие мотивы их деятельности имеют скрытый религиозный контекст,

часто неверно толкуемый сторонними наблюдателями как меркантильность, или излишний прагматизм.

Не стоит забывать о различиях в картине мира между мусульманской, буддийской, индуистской, христианской конфессиями. Ведь там где мусульманин увидит излишнее стяжательство, китаец увидит заботу о предках и исполнение долга почтительности к старшим. Там, где христианин посчитает возможным построить величественный храм, китаец увидит оскорбление духа земли, и возможные кары со стороны этого духа. Разница в мировоззрении, формирует различие в побудительных мотивах любой формы социальной активности.

Неудивительно, что при всем многообразии культур населяющих современную Малайзию они практически не смешиваются между собой. И даже китайцы принявшие какую-либо из мировых религий, по сути, не меняют свою картину мира.

Китайская культура, лишена жесткой формы религиозного проявления, но отнюдь не лишена глубокого проникновения сакрального начала во все сферы культурной жизни. При отсутствии фиксированной религиозной доктрины, регулирующей сферы духовной жизни, всеохватывающая сакральная реальность сохраняет свое влияние на общество с древнейших времен. Не озвученная полностью ни в одном из философских учений, она проявляется в их синтезе. Её действие выходит за рамки идеологии и проявляется в более широких формах: бытовом поведении, стандартах восприятия, типах игрового поведения, в формах традиционной кухни – во всем том, что относится к сфере действия культурной программы, так называемого «кода культуры».

Религиозный культ как таковой, обрядовость, не играют существенной роли в жизни современного Китая, как не имели такого влияния уже с глубокого средневековья. Традиционное ядро китайской культуры основано на принципах этического рационализма. Вектор социальной активности китайца всегда ориентирован на профанический пласт, на жизнь в конкретном времени, здесь и сейчас.

Интересно, что у малайских хуацяо преобразование бытового пласта жизни приобретает сакральный характер связи с прародителями и прародиной. С точки зрения же религиозного анализа мировоззрение хуацяо можно охарактеризовать как сплав анимистического понимания мира подчиненного конфуцианской морали.

В контексте традиционных верований группу малазийских хуацяо следует рассматривать совершенно особо. Сложившаяся историческая ситуация благоприятствовала сохранению и усилению социальной роли многих традиционных китайских культов в удаленных районах Малайзии. Все эти культы относятся к практическому даосизму, анимистической религиозной практики берущей свое начало в глубокой древности. Там, где в континентальном Китае социальная консолидация, глобаль-

ные изменения в области культуры вытеснили подобные традиционные культы на глубокую периферию, в сфере жизни малайских хуацяо они, по-прежнему, занимают существенное место. Можно даже сказать, культурная изоляция предыдущих столетий создала в Малайзии своеобразный анклав, живущий по своим сакральным и мистическим канонам, которые гораздо более напоминают традиционную дореволюционную бытовую культуру Китая, нежели современная жизнь континентальных китайцев.

Три основные волны миграции китайских переселенцев привнесли с собой определенные особенности духовной жизни, которые в новых условиях образовали среду религиозного свойства.

Первые китайские иммигранты облюбовали территорию Малайзии еще в начале XIX века, во времена колониального господства англичан. В основном они являлись мелкими торговцами времен маньчжурской империи, искавшими дополнительные рынки.

Существенная по численности эмиграционная волна китайцев двинулась в Малайзию в конце XIX - начале XX вв. Это были беженцы времен глобальных изменений в Китае, раздираемом претензиями колониальных европейских держав. Напомним, что эпоха опиумных войн, знаменовавшая собой переломный момент в китайской истории, а также культуре, вынудила многих жителей южных провинций искать более безопасного пристанища для своих семей. А последовавшее боксерское восстание вызвало внутри страны определенную волну не только патриотизма, но и активизировало многие религиозные культы магического характера, которые вместе с эмиграционной волной благополучно перекочевали на новые территории Малайзии.

Третья же волна китайской иммиграции пришлась на период Второй мировой войны и новой смены режима в Китае, ставшем коммунистическим. Очередные социальные потрясения привели на земли Малайзии людей, отчаянно нуждающихся в упрочении своих социальных позиций. Они попадали в уже сложившуюся атмосферу повышенного (по сравнению с их родиной) мистицизма. Традиционные культы, кумирни и храмы в отсутствие высшей верховной власти, привычной китайскому менталитету, становились символом связи их с родиной. Культивация национальных традиций была отныне в их собственных руках, так как государство в новых условиях не несло на себе таких задач. Вполне естественно, что культы практического даосизма приобрели широкую популярность, как доступные практики, не требующие высокого уровня образования.

При взгляде на религиозную составляющую жизни китайской диаспоры современной Малайзии можно с уверенностью вычленить несколько пластов религиозной жизни, которые все увязываются в единую

ось китайской культуры, дающей право причислять хуацяо Малайзии к китайской традиции не только этнически, но и культурно.

Первый, самый базовый или народный. Именно здесь имеют место многочисленные культы практического даосизма. Повсеместно в сельских районах Малайзии встречаются многочисленные кумирни, посвященные духу того или иного места, храмы в честь покровителей деревень, пристанище разнообразных медиумов, способных проводить спиритические сеансы¹, традиция не совсем характерная для континентального Китая, но очень популярная в Юго-Восточной Азии.

Повсеместная вера в духов господствует в народной среде хуацяо. Матери никогда не отпустят детей погулять в соседнем лесу, не надев на них предварительно оберегов предохраняющих дух человеческий от похищения лесными духами.

Многочисленные кумирни, посвященные какому-либо нематериальному покровителю конкретной местности в Малайзии не редкость. Их служители часто имеют и другой род занятий (например, содержат ресторан или небольшой магазин) и потому мало заметны для непосвященных в повседневном быту.

Небольшие алтари для подношений духам определенного места можно встретить в любом ресторане, торговой лавке или любом публичном заведении. Владельцы совершают подношения ежедневно для привлечения удачи в делах и покровительства духа.

Подобные же мини-алтари, можно увидеть, скажем, под эстакадами современных скоростных трасс. Дороги в Малайзии принадлежат частным владельцам, в основном выходцам из среды китайской диаспоры. Такие мини-алтари означают, что когда-то на этом месте стоял дом, который был снесен при возведении автодороги, хозяева вынуждены были покинуть его, однако заботу о подношениях божеству дома берет на себя владелец компании, которая ведет строительство. Несоблюдение такого правила, по поверьям китайцев, будет означать для хозяина автодороги возможные неудачи в бизнесе.

Самое священное место в любом доме хуацяо - алтарь духа земли. Располагается он далеко не всегда на самом видном месте. Алтарь земли – основа дома, он делится на две части соответствующие сакральному пониманию мира в китайской культуре: мир «наднебесный» и «поднебесный». Мир высших энергий и высших существ и мир человеческий, вкупе с миром духов. В случае если семья переезжает, алтарь оставляют

¹ Во время таких сеансов считается, что медиум, входя в транс, предоставляет свое тело одному из духов верхнего или нижнего мира (в зависимости от его специфики) и в таком состоянии способен к общению с людьми и ответам на их вопросы. Такая практика часто используется в игорном бизнесе, для узнавания счастливых чисел. Хотя морально она не осуждается, считается, что в таком случае человек вступает в контакт с низшими духами и в случае их участия будет обязан с ними «расплатиться».

на месте, забирают лишь верхнюю часть, посвященную духам неба и предкам.

Ритуальные подношения в виде фруктов, чая и благовоний совершаются в первый день лунного цикла и в полнолуние, что по поверьям китайцев, обеспечивает благосклонность и покровительство нематериальных обитателей места, на котором стоит дом к его человеческим жителям. Алтари такого рода в Малайзии являются безусловным знаком, отмечающим присутствие членов китайской диаспоры, заметным даже среди плановых одинаковых построек. Они – обязательный атрибут быта, независимо от типа жилья, будь то городская квартира или сельский дом, частная вилла или ресторан, где часто проживают и его владельцы.

В продолжение культа духов места, совершенно особый статус в духовной жизни малазийских китайцев имеют так называемые «дома предков». Касаясь этой темы, мы вступаем в область представлений комплекса фэн-шуй, глубоко вплетенного в повседневную жизнь китайцев, а также следующий уровень религиозной жизни – кланово-родовой характеризующийся мифологическим переживанием причастности к телу рода.

Традиционно, китайцы воспринимали свою жизнь в рамках функционирования семьи и рода. И в этом смысле основополагающим принципом для них был конфуцианский культ сыновней почтительности «сяо», тесно связанный с культом почитания умерших предков.

Предок-основатель клана, перебравшийся на землю Малайзии пользуется непререкаемым почетом у всех его потомков. Его изображение находится на почетном месте в доме, который он построил. Ему регулярно совершаются ритуальные жертвоприношения на семейном алтаре. В доме отца-основателя «чжу-сян» раз в год, на праздник весны обязаны собраться все представители его рода. Это значительно способствует укреплению ощущения живой связи с «телом» рода.

Дом основателя рода, переехавшего жить в Малайзию из Китая несколько поколений назад, является особого рода святыней для его потомков. Согласно традиционным представлениям, его нельзя сносить, о нем надо заботиться, его не следует перестраивать и в нем обязательно надо жить. И все потому, что хуацяо свято верят в то, что своим финансовым благополучием, они обязаны особому *фэн-шуй*, своего рода энергетической ауре, старого дома.

Доходит до странностей: в центре Куала-Лумпура до сих пор сохраняется немало старых домов начала девятнадцатого века. Все эти постройки далеко не в лучшем состоянии, и уж никак не способствуют улучшению архитектурного облика столицы, которую правительство стремится превратить в город с ультрасовременной архитектурой. Тем не менее, малазийское правительство не вправе снести здания – это ответственность очень богатых хуацяо, оказывающих серьезное влияние на

экономику. Для них эти дома сродни реликвии. В таком представлении это не просто воспоминания, а непосредственно магический источник их благосостояния.

Другой пример - семья китайцев, собственников семи гектаров пальмовых плантаций под Муаром, в пятом поколении. В соответствии с программой правительства, об улучшении жилищных условий страны в сельских районах, рядом с их плантациями построен современный дом, со всеми коммуникациями. Однако он пустует, пожилые родители (им за 80) с семьями двоих их своих пятерых детей, предпочитают жить в «доме первопредка», в пяти минутах ходьбы, и категорически отказываются жить в новом доме. Лишь в новолуние и в пятнадцатый день луны, они приходят туда, чтобы зажечь свечи и благовония на алтаре духа земли. «Старый» дом, где жил основатель их клана, представляет собой внушительных размеров лачугу из досок, с земляным полом, довольно, впрочем, типичная ситуация для Малайзии.

Причина устойчивости соблюдения религиозных обрядов, прежде всего, коренится в китайских представлениях о смерти и загробной жизни, и о связи их с жизнью повседневной.

По китайским представлениям человек состоит из комплекса душ *хунь* и *по*. И те и другие после смерти тяготеют к аннигиляции. Однако же постоянными приношениями духам предков этот процесс отсрочивается. Иными словами, до тех пор, пока существует род, есть потомки, которые совершают жертвоприношения, умершие предки продолжают существовать. Более того – усиливая путем регулярных приношений, соблюдением ритуалов, их жизнеспособность в загробном мире, живые потомки совершают благое дело и для себя, так как предки по традиционным представлениям, активно помогают своим потомкам. Эта тесная духовная связь имеет множество ритуальных церемоний и прямым образом влияет на повседневную жизнь современных хуацяо Малайзии.

В соответствии с этими представлениями огромную важность приобретают места захоронений в традиционной китайской культуре. Способность предков влиять положительным образом на жизнь потомков прямым образом связана с правильно выбранным для захоронения ландшафтом. Собственно, умение определить оптимальную конфигурацию земного рельефа, необходимым образом изменить ее, и составляет суть учения фэн-шуй. Как продолжение, эти же принципы применяются и для определения места при постройке жилья и при выборе территории храма.

Храмовый фэн-шуй играет огромную роль в культуре малайских китайцев. Казалось бы, этот древнейший для Китая мировоззренческий комплекс должен был давно утратить свое влияние на умы современных представителей китайской культуры. Однако потрясающая жизнеспособность китайской традиционной картины мира, по всей видимости, не

нуждается в исправлениях современности, сохраняя свою актуальность и в наши дни.

Правильная по фэн-шуй, топографическая карта местности, особый рисунок линии гор, русел рек, сочетания холмов и равнин, создает определенную энергетическую карту местности, которую умеет прочесть специально обученный мастер фэн-шуй. В его глазах сочетания природных форм приобретают определенный рисунок, путь по которому циркулирует природная энергия (жизненная сила ци).

Любой архитектурный объект, в традиционных представлениях китайцев, столь же вовлечен в систему мировой циркуляции энергии, как и природный. Поэтому вся традиционная китайская архитектура подчинена строгим канонам, наиболее оптимально, с точки зрения фэн-шуй, вписывающим постройки в окружающий ландшафт. Что же это означает на практике и применительно к современным условиям жизни в Малайзии?

Не секрет, что облик многих современных городов Юго-Восточной Азии в значительной мере сформирован благодаря инвестициям членов китайской диаспоры, заинтересованных не только в постройке архитектурного объекта, но места его расположения. Конечно, лидирует в символике фэн-шуй Гонконг², однако не лишены влияния традиционных китайских представлений и такие города как Сингапур, Куала-Лумпур, Джохорбару, Джорджтаун. Даже такой безусловный символ современной Малайзии, как башни близнецы Куала-Лумпура, построен в соответствии с китайским принципом удвоения (парности), приносящей по поверьям удачу.

Другой, весьма любопытный пример фэн-шуй – территория и строительство небезызвестного Mines Resort в фешенебельном квартале Куала-Лумпура. Территория бывшего оловянного рудника была выкуплена представителем китайской диаспоры (владельцем крупнейшего в Малайзии ипподрома, инвестирующего средства в игорный бизнес) и превращена в парк, построенный по правилам фэн-шуй, с учетом влияния сторон света, баланса сочетания воды и земли и т.п. Помимо пятизвездочных отелей, небольшого жилого квартала под частное строительство (место проживания финансовой и политической верхушки страны), в 2008 году там было начато строительство жилого комплекса из пяти

² Город этот по культурному влиянию вполне возможно отнести к региону юго-восточной Азии, несмотря на его принадлежность к континентальному Китаю. Архитектура Гонконга города, по всем правилам фэн-шуй соотносится с рисунком береговой линии, окружающих гор, и т.п. Большинство зданий построены с расчетом на взаимодействие с окружающими соседними небоскребами. Ведь по поверьям китайцев, архитектурные формы могут значительно влиять на удачливость владельца здания, и соответственно сказываться на доходах.

высотных зданий предназначенное под жилье, как ни странно, представителям Южной Кореи!

На самом деле хозяин земли, придерживается весьма традиционных взглядов, и, несмотря на свою приверженность буддизму, не считает лишним обращать пристальное внимание на советы мастеров фэн-шуй. В связи с некоторым спадом в бизнесе владелец последовал рекомендациям специалистов оживить пустующий сектор своей земли. Пять башен жилого комплекса не что иное, как символы пяти стихий, очень важные в китайском представлении о мире. Выбор же Южной Кореи на языке Фэн-шуй, означал привлечение финансов из наиболее активного, по понятиям фэн-шуй, в тот период географического сектора. Надо заметить, что при взгляде на новую постройку, отвечающую всем стандартам современной архитектуры, не сразу можно догадаться о том, что на самом деле это дорогостоящее геомантическое решение, призванное активизировать финансовую удачу владельца.

Нельзя не вспомнить примеры из китайской истории, когда представители правящей элиты нередко сооружали парки – модели Поднебесной. При необходимости в той или иной части парка возводили определенные сооружения с целью повлиять на ситуацию в том или ином регионе Китая. Ведь по понятиям симпатической магии модель обладает всеми теми же свойствами, что и оригинал. Таков, к примеру, был парк императора Цинь Шихуан ди, или парк Шаньлиньюань построенный по приказу Бань Яна, основателя династии Хань. Таким образом, корни геомантических модуляций современной финансовой элиты Куала-Лумпура уходят в глубокую древность, отражая традиционное мировоззрение, адаптированное к условиям современного мира.

Символикой фэн-шуй, случается, бывает охвачена и мусульманская часть населения Малайзии. Путешествуя по сельским районам или небольшим городам, можно заметить мечети, выполненные в явном соответствии с китайскими архитектурными канонами. Сами китайцы объясняют этот факт тем, что когда-то китайский храм перешел в руки мусульман или же они для строительства нанимали китайцев, а те строили мечеть по всем правилам китайской храмовой архитектуры. Не сведущие в этой области китайских традиций малайцы, по всей видимости, постройкой остались довольны, так как все мечети подобного рода активно используются и по сей день.

Что касается более сельской части китайского населения Малайзии, то, несомненно, она гораздо более мистична по своему мировоззрению, чем континентальное население КНР.

Каждый даосский храм в Малайзии, строится в строго определенном месте, по характеристикам геомантов: «проявившем свою силу», то есть в энергетически (или геомагнитно) активной точке. По народным представлениям хуацяо каждая такая зона имеет свой срок жизни, со-

ставляющий от 250 до 400 лет. По прошествии этого срока, церемонии проводимые в храме уже не приносят желаемого результата и, говоря словами китайцев, данное место «умирает».

Вместе с тем, китайский религиозный этикет не запрещает «похищение» удачливой и благополучной силы служителями из другого храма, осуществить которое может специально обученный даосский специалист в этой области. Не будем судить об эффективности такого метода, однако такое поверье весьма распространено в сельских районах Малайзии, и зачастую наиболее «эффективные» храмы владельцы вынуждены специальным образом охранять.

Этот же принцип встречается и в городской среде, но только уже не в храмах, а в случае с богатыми владельцами крупных зданий. Случается конкуренты начинают возводить по соседству другое сооружение, архитектурные формы которого по канонам фэн-шуй, открыто преследуют цель «похитить» финансовый успех у владельца. На этот случай предпринимаются ответные меры и здания начинают менять свой облик, втянутые в невидимую, для непосвященного глаза, конкурентную борьбу. Характерно, что подобные случаи даже могут послужить поводом обращения в суд.

Все вышесказанное имеет целью показать, что принципы практического даосизма чрезвычайно популярны в среде Малазийских хуацяо. Представители китайской диаспоры самостоятельно (без вмешательства извне) поддерживают древнюю традицию.

К примеру господин Лим, недавно почивший глава и хозяин игрального комплекса на горе Юнь-динь, близ Куала-Лумпура, незадолго до своей смерти профинансировал основание учебного центра для даосских служителей, расположенного там же на Юнь-динь. На сегодняшний день этот центр является одним из основных мест поддержания даосских традиций, куда на обучение приезжают даже желающие из Китая и Тайваня.

Культ предков, традиция геомантических практик фэн-шуй, составляют родовой уровень самосознания хуацяо. Который в китайском понимании стоит неизмеримо выше, нежели уровень отдельно взятой личности. Именно поэтому такие, примитивные, с точки зрения монотеистических культур, анимистические верования столь устойчивы в их среде. Совершая ритуал поклонения предкам трижды в год, и дважды в месяц принося подношения на домашний алтарь, члены китайской диаспоры не находят ничего удивительного в том, чтобы в повседневной жизни считать себя буддистами, католиками, протестантами. Мусульманство в китайской среде Малайзии – вещь чрезвычайно редкая, поскольку здесь сказывается негласное противодействие культурному

влиянию малайцев³. Однако монотеистические религии остаются личным выбором каждого, тогда как все культы, связанные с клановым родством имеют первостепенное значение.

Довольно частое явление в Малайзии так называемые храмы всех религий: представляющие собой классический трехчастный китайский храм. На первом, внешнем алтаре располагаются символы и изображения основных религиозных направлений (Буддизм, Христианство, Ислам), второй, внутренний алтарь посвящен любимому всеми, без исключения, китайцами божеству милосердия Гуань-инь, а третий, задний алтарь – посвящен поминовению предков и духу места. Так решается вопрос религиозных предпочтений в среде хуацяо.

Стоит обратить внимание на небезызвестный факт – Китай не знал религиозных войн именно в силу того, что одной из основных установок в мировоззрении этой культуры был культ сыновней почитательности «сяо», который в сочетании с доминантой этического рационализма всегда решал вопросы, связанные с самосознанием личности в пользу клана.

Китайская диаспора Малайзии существует в условиях сильного давления мусульманского мира. Однако многочисленные национально-культурные противоречия китайцев с малайцами никогда не провоцировали китайцев выдвигать оппозиционные религиозные лозунги.

Жизнь малазийских хуацяо глубоко сакрализована, привержена традициям и верна традиционной китайской модели описания и понимания мира. Эта модель избегает религиозности на своем теоретическом уровне, успешно применяя к реалиям современной жизни традиционные конфуцианские установки. Ибо во главу угла в миропонимании китайцев поставлен здравый смысл и самоценность понятия жизни как таковой.

Многочисленные вызовы современности традиционным формам культуры в среде хуацяо протекают намного безболезненнее в силу того, что сама философия этой культуры обращена не к трансцендентному миру, а к миру повседневности. Устойчивость же культурных моделей поведения сохраняется в большей степени на уровне подсознательно-физическом, чем идеологическом.

Такое важное традиционное понятие как бянь-хуа (перемены) является неотъемлемой формой восприятия мира любым представителем китайской культуры. Оно же оберегает сознание китайца от слишком агрессивной реакции на культурно-политические изменения в современном мире.

³ Несмотря ни на что, китайская часть населения Малайзии ощущает себя несправедливо ущемленными в правах, по сравнению с малайцами. Ряд культурных особенностей, различий на уровне повседневного быта способствует сильной культурной замкнутости обоих этносов.

Жизнь в современных условиях Малайзии в менталитете китайцев воспринимается как площадка для накопления *дэ*. Сакральной добродетели каждого отдельного члена клана, на пользу тому же клану, чтобы исполнить свой долг сыновней почтительности «сяо» и прославить своих предков.

В Малайзии возможности хуацяо для накопления «дэ» в основном экономические, на что и сделан акцент в среде китайской диаспоры. Однако, при всей экономической пассионарности современных потомков китайских переселенцев, не стоит видеть за их действиями исключительно коммерческие мотивы.

Китайская диаспора Малайзии, в культурном плане явление довольно уникальное. Она глубоко традиционна по своей сути, и, тем не менее, успешнее других малайских этнических групп адаптируется к современной жизни. Она сочетает традиционные понятия описания мира, и традиционные формы быта с высокой социальной активностью. Избегая внутреннего конфликта, она сохраняет свою культурную монолитность и вместе с тем являет пример исключительной гибкости мышления и трудолюбия.

Все эти качества заслуживают того, чтобы обратить внимание исследователей на культурный феномен малайских хуацяо.

Для написания статьи использован материал Интернета, местная и региональная пресса, наблюдения автора в ходе поездок по Малайзии за период 2005-2008гг., многочисленный материал личных встреч автора с представителями китайской диаспоры Малайзии также лег в основу данной статьи.